

Научная статья

УДК 343.9

EDN ABQPJZ

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(5).555-565

ОБЪЕКТ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

И.А. Дамм

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

16 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать

7 ноября 2022 г.

Дата онлайн-размещения

28 ноября 2022 г.

Ключевые слова

Коррупция; безопасность;
антикоррупционная безопасность;
антикоррупционная
криминологическая безопасность;
объекты охраны; объекты
антикоррупционной охраны

Аннотация. Обеспечение безопасности личности, общества и государства от коррупционных угроз и опасностей выступает одним из ключевых направлений государственной политики в сфере противодействия коррупции. Антикоррупционная деятельность требует фундаментальных научных оснований, поиск которых осуществляется в последние десятилетия непрерывно, при этом резервы криминологии в вопросах противодействия коррупции еще только познаются. Идеологической основой новых системных подходов к противодействию коррупционной преступности может стать концепция антикоррупционной криминологической безопасности, объединяющая в себе стратегию воздействия не только на коррупционную преступность, но и на объекты антикоррупционной криминологической безопасности. Последние представляют собой новый идеальный объект, выявление значимых теоретико-методологических аспектов познания которого имеет важное значение для оформления концепции антикоррупционной криминологической безопасности, а также обеспечения антикоррупционной деятельности. Перспективными направлениями в познании объекта антикоррупционной криминологической безопасности выступают изучение ее содержательного наполнения, а также определение ее места в системе сложившегося научного знания. Исследование содержания объекта антикоррупционной криминологической безопасности как новой криминологической категории позволило выделить в качестве самостоятельных объекты антикоррупционной криминологической охраны и объекты антикоррупционной криминологической защиты. В свою очередь, изучение подходов к пониманию объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления дает возможность сформировать задел в познании содержания объекта криминологической охраны, выступающего родовой категорией относительно объекта антикоррупционной криминологической охраны. Проведенное исследование позволило актуализировать ценность познания антикоррупционной криминологической безопасности, а также обозначить основные векторы развития научных представлений об объекте антикоррупционной криминологической безопасности.

Original article

THE OBJECT OF ANTICORRUPTION CRIMINOLOGICAL SECURITY: KEY RESEARCH DIRECTIONS

Irina A. Damm

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, the Russian Federation

Article info

Received

September 16

Accepted

2022 November 7

Available online

2022 November 28

Abstract. Ensuring the protection of the person, the society and the state against corruption threats and dangers is one of the key directions of state policy in the sphere of corruption counteraction. Anticorruption activities require a fundamental scientific basis, the search for which has been ongoing in recent decades, while the potential of criminology for corruption counteraction is still being researched. The concept of anticorruption criminological security could act as an ideological basis for new systemic approaches to counteracting crimes of corruption because it incorporates the strategy

Keywords

Corruption; security; anticorruption security; anticorruption criminological security; object of protection; objects of anticorruption protection

of influencing not only the crimes of corruption, but also the objects of anticorruption criminological security. The latter are a new ideal object, the identification of relevant theoretical and methodological aspects whose research is crucial for developing the concept of anticorruption criminological security and ensuring anticorruption activities. A promising area for researching the object of anticorruption criminological security is studying its substantive content as well as determining its place in the existing system of scientific knowledge. Studying the contents of the object of anticorruption criminological security as a new criminological category made it possible to single out the objects of anticorruption criminological protection and the objects of anticorruption criminological defense. In turn, studying approaches to understanding the object of criminal law protection and the object of crime makes it possible to begin the research of the contents of the object of criminological protection that acts as a generic category for the object of anticorruption criminological protection. The conducted study allowed the authors to demonstrate the value of researching anticorruption criminological security and to outline the key vectors for the development of theoretical views on the object of anticorruption criminological security.

В последние годы научное осмысление ключевых направлений и условий устойчивого развития личности, общества и государства все чаще осуществляется сквозь призму безопасности. В Стратегии национальной безопасности, утвержденной указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, закреплялось, что коррупция представляет собой одну из основных угроз государственной и общественной безопасности наравне с такими деструктивными явлениями, как терроризм, экстремизм, деятельность преступных организаций и др. (п. 43). В новой Стратегии национальной безопасности, утвержденной указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, подчеркивается потребность общества в усилении борьбы с коррупцией (п. 45), а предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности отнесены к числу приоритетных задач государственной политики (подп. 13 п. 47). И это неслучайно, поскольку именно преступные формы проявления коррупции угрожают системообразующим ценностям как на индивидуальном, так и на национальном уровне.

Обеспечение безопасности личности, общества и государства стало трендом последних десятилетий в научном, политическом, правовом, экономическом и иных аспектах. Социально-политический запрос российского общества на устойчивое развитие обусловил активную разработку теории национальной безопасности, методологические основы которой раскрываются на монографическом уровне [1]. В свою очередь, достаточность уровня развития данной теории, а также ее востребованность обусловили появление соответствующей учебной дисциплины [2] и даже направления подготовки¹.

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования —

Кроме того, различные вопросы обеспечения национальной безопасности в аспекте предупреждения преступности активно исследуются в зарубежной научной литературе [3–7].

Проблема обеспечения безопасности не осталась без внимания и в криминологической среде. Рассматривая подходы к пониманию криминологии, В.В. Лунеев отнес ее «к одной из наук о выживании или безопасности» [8, с. 20]. Осмысление предмета криминологии сквозь призму вопросов обеспечения безопасности привело к появлению нового научного направления — криминологической безопасности.

В современной научной литературе активно формируются концептуальные основы криминологической безопасности. По мнению М.М. Бабаева, концепция криминологической безопасности «не очередное новое слово, а новая парадигма уголовной политики» [9, с. 55]. Данная концепция, «если ее всесторонне разработать, «одеть в правовые одежды», выстроить механизм реализации и воплотить в жизнь, позволит вдохнуть в уголовную политику новую жизнь, сделать ее эффективной» [там же, с. 58]. С.Я. Лебедев придает криминологической безопасности статус теории и отмечает, что «актуальность и прогрессивность теории криминологической безопасности вызваны необходимостью формирования новой идеологии противодействия преступности, переориентации правоохранительной системы с поисков криминологических угроз» (что, по мнению автора, вторично) на «реальное выполнение основной задачи — обеспечение безопасности людей от преступных посягательств» [10, с. 14].

специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности : приказ Минобрнауки России от 31 авг. 2020 г. № 1138. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

Привлекательность идеи обусловила активное исследование понятия и содержания криминологической безопасности как научной категории, угроз криминологической безопасности, а также системы ее обеспечения. В свою очередь, повышение уровня разработанности данного научного направления привело к появлению авторских определений рассматриваемой категории, предложенных М.М. Бабаевым и В.А. Плешаковым [11, с. 314], М.П. Клейменовым [12, с. 42], С.Я. Лебедевым [10, с. 14] и иными учеными.

Особую значимость исследования криминологической безопасности приобретают в аспекте научного обеспечения антикоррупционной деятельности, поскольку позволяют использовать интегративный подход. Синтез научных наработок наук уголовно-правового цикла, а также таких направлений научных исследований, как уголовная политика, криминологическая политика, антикоррупционная политика, общая теория предупреждения преступности, теория национальной безопасности, концептуальные основы теории криминологической безопасности, может способствовать познанию новых свойств коррупции как угрозы национальной безопасности и выявлению резервов обеспечения антикоррупционной безопасности общества и государства.

Глубинная смысловая взаимосвязь коррупции как угрозы по своему содержанию и безопасности как состояния защищенности от угроз привела к появлению в научно-практическом обороте термина «антикоррупционная безопасность». Однако научное осмысление природы и содержания данной категории находится на начальной стадии развития.

Значимый вклад в познание антикоррупционной безопасности внес Н.В. Щедрин. Антикоррупционная безопасность в его понимании представляет собой «состояние защищенности закрепленных в Конституции РФ системообразующих ценностей социума (объектов охраны) от опасностей, исходящих от противоправных деяний физических лиц и организаций, выполняющих публичные функции или оказывающих публичные услуги, вопреки интересам государства и общества, для извлечения противоправной выгоды как для себя, так и для других лиц (источники опасности), а также от деяний всех других лиц и организаций, подкупающих лиц, имеющих публичный статус (источники опасности)» [13, с. 64]. Представленное понятие закла-

дывает теоретическую основу для дальнейшего познания антикоррупционной безопасности как самостоятельной категории, а также формирует предпосылки для разработки нового концептуального направления междисциплинарных исследований.

Системное научное осмысление антикоррупционной безопасности предполагает познание взаимосвязей данной категории с такими категориями, как объекты антикоррупционной безопасности, источники коррупционной опасности, а также коррупционные угрозы. В свою очередь, в поиске новых подходов к обеспечению антикоррупционной безопасности значимый научный потенциал имеет системно-структурный анализ названных категорий.

В зависимости от вредоносности коррупционных угроз представляется перспективным выделение в качестве самостоятельных направлений развития теоретических знаний об антикоррупционной безопасности следующих ее основных типов:

- антикоррупционная девиантологическая безопасность;
- антикоррупционная деликтологическая безопасность;
- антикоррупционная криминологическая безопасность [14, с. 1698].

Поскольку именно преступные формы коррупционных проявлений могут причинить существенный вред интересам личности, общества и государства, особо важное значение приобретает познание антикоррупционной криминологической безопасности.

Научное познание процессов обеспечения безопасности значимых для развития общества и государства объектов от коррупционных угроз требует использования комплексного подхода, учитывающего сложность и многоаспектность феномена коррупции. При этом важное методологическое значение в исследовании системы обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности имеет выделение основных направлений предупредительного воздействия.

В системе обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности в зависимости от основных направлений предупредительного воздействия можно выделить две основные подсистемы — защиты и охраны. Подсистема защиты призвана выявлять и нейтрализовать коррупционные угрозы и источники опасности, а подсистема охраны направле-

на на обеспечение целостности и сохранности особо значимых объектов от коррупционных посягательств.

Важное теоретико-методологическое значение для построения системы обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности имеет познание объектов, нарушение целостности или функционирования которых может причинить существенный вред интересам личности, общества и государства. В свою очередь, ошибки в определении свойств объектов антикоррупционной криминологической безопасности могут привести к существенным искажениям как в построении теоретической модели обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности, так и в организации антикоррупционной деятельности, что в конечном итоге приведет к неэффективному использованию ресурсов.

Объекты антикоррупционной криминологической безопасности, как и объекты антикоррупционной безопасности, пока еще не становились предметом исследований в отечественной научной литературе. Вместе с тем выявление, надлежащее определение и категоризация таких объектов, а также определение их взаимосвязей с коррупционными угрозами и источниками коррупционной опасности, их взаимозависимости обладают научным потенциалом и практической значимостью в период активного поиска новых подходов к научному обеспечению антикоррупционной деятельности.

В познании объекта антикоррупционной криминологической безопасности как научной категории методологическое значение имеет определение ее места в системе уже сложившегося научного знания, а также характеристика основных свойств, подтверждающих ее научную состоятельность. Поэтому познание объекта антикоррупционной криминологической безопасности должно основываться на достижениях философии, уголовного права, криминологии и ее частной научной теории — криминологической безопасности, а также теории национальной безопасности.

В философии категория «объект» относится к числу предельных. В «Философском энциклопедическом словаре» под объектом понимается то, что «противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности. Объект не просто тождествен объективной реальности, а выступает как ее часть, которая находится во взаимодействии с субъектом» [15,

с. 437–438]. В современной философской литературе отмечается, что «выбор методологической позиции предопределяет... видение и понимание объекта исследования, представление о его сущности, содержании, свойствах, структуре, в конечном счете — построение его модели и теории. Но надо хорошо понимать, что наше представление о реальности не является самой реальностью, даже если мы на практике отождествляем наше представление и реальность» [16, с. 98].

В современных дискуссиях о философских категориях отмечается, что объект — это самое общее понятие. В его объем включается все, что существует: универсум — это объект, папиллярный узор на пальце — тоже объект, воображаемые объекты (кентавр, вечный двигатель) — тоже объекты [17, с. 57]. «Объект — это все, на что может быть направлена мысль, «все, что может быть названо» [там же].

Реконструируя категориальную структуру любого нового объекта человеческого познания, следует помнить, что любой объект может быть представлен как элемент и множество, что объекты могут быть тождественными и различными, что они изменяются и сохраняют устойчивость [18, с. 175], при этом «любой объект в разных множествах является или вещью, или свойством, или отношением» [там же, с. 179].

В сравнительно молодой теории национальной безопасности используется термин «объект безопасности». Обращение к «Толковому словарю русского языка» позволяет сделать вывод, что слово «объект» в общем виде означает какую-либо категорию окружающей нас действительности (явление, предмет, предприятие и пр.), которая воспринимается непосредственно или через направленное воздействие на нее [19, с. 441]. В свою очередь, слово «безопасность» толкуется как состояние или защита от опасности [там же, с. 41]. Объединение значений слов «объект» и «безопасность» в буквальном смысле представляет собой «явление (предмет, предприятие) состояния (или защиты)». Думается, очевидно, что сочетание значений исследуемых слов «явление безопасности» или «предприятие безопасности» по своей сути бессмысленно.

Как верно отмечает А.В. Возжеников, категория «безопасность» не абсолютна, а относительна и свое смысловое значение приобретает только в связи с конкретными объектами или сферой человеческой деятельности и окружающего мира [20, с. 53], а «безопасность какого-либо объекта, прежде всего, есть результат це-

ленаправленного внешнего воздействия» [21, с. 361]. Соответственно, в каком бы аспекте ни рассматривалась безопасность (явление, цель, состояние защищенности, правовой режим), ее сочетание с каноническим определением понятия «объект» представляется смысловой конtradикцией.

Словосочетание «безопасность объекта», в отличие от словосочетания «объект безопасности», следует признать корректным, поскольку смысловые противоречия в его содержании отсутствуют, оно означает состояние защищенности какого-либо конкретного объекта. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что использование понятий «безопасность объекта», «безопасность личности» или «безопасность государства» в семантическом аспекте обоснованно. В свою очередь, применение словосочетания «объект безопасности» не вполне корректно.

Допустимым представляется использование понятия «объект» в сочетании с конкретными видами безопасности: национальной, экономической, криминологической или другой. В таком случае понятие безопасности во взаимодействии с указанием на сферу общественных отношений отражает состояние защищенности элементов соответствующей сферы. Соответственно словосочетания «объект национальной безопасности», «объект экономической безопасности», а также «объект криминологической безопасности» следует признать семантически обоснованными.

В контексте концепции криминологической безопасности фундаментальные исследования природы, содержания и структуры объектов криминологической безопасности отсутствуют. Одно из первичных, а потому значимых обобщений принадлежит В.А. Плешакову, который пришел к выводу, что «основными объектами криминологической безопасности являются личность — ее права, обязанности и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность» [22, с. 45]. Представленный подход соответствует положениям утратившего силу закона Российской Федерации «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1, содержавшего перечень объектов безопасности (ст. 1). Однако в новом Федеральном законе «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ такой перечень отсутствует. Спроецированный В.А. Плешаковым ранее действовавший законодательный подход

к определению ключевых объектов безопасности на концепцию криминологической безопасности представляется удовлетворяющим задачи развития рассматриваемого направления научных знаний на его начальном этапе.

Важное методологическое значение в построении концепции антикоррупционной криминологической безопасности имеет выделение в содержании объекта антикоррупционной криминологической безопасности объектов защиты и объектов охраны.

С позиций семантики понятия «объект защиты» и «объект охраны» близки по своему содержанию. В «Толковом словаре русского языка» слово «защита» раскрывается в нескольких значениях: в аспекте глагола «защитить»; как то, что защищает, служит обороной; как защищающая сторона в судебном процессе или часть спортивной команды, имеющая задачу не допустить мяч, шайбу в свои ворота [19, с. 225]. В свою очередь, глагол «защищать» означает «охраняя, оградить от посягательств; предохранить, обезопасить от чего-нибудь; отстоять (мнение, взгляды)» [там же]. Значение слова «охрана» раскрывается в аспекте глагола «охранять», а также как группа (людей, кораблей, машин и т.п.), охраняющая кого-, что-нибудь [там же, с. 486]. «Охранять» означает оберегать, относиться бережно; то же, что стеречь [там же].

Анализ семантических единиц позволяет сделать вывод о том, что защита предполагает наличие посягательства, а также выражается в активных действиях по нейтрализации посягательства и обороне защищаемого объекта. Охрана направлена на сохранение в неизменном виде свойств и характеристик того или иного объекта.

В правовой литературе соотношение понятий «объект защиты» и «объект охраны» дискуссионно. По мнению Н.С. Малеина, охрана представляет собой более широкое понятие, включающее все юридические правила по поводу определенного блага, а защита права — меры, предусмотренные в законе для случаев, когда право уже нарушено (цит. по: [23, с. 115–116]). Т.И. Илларионова также полагала, что понятие охраны более широкое, поскольку правовые меры охраны гражданских прав включают в себя меры защиты и меры ответственности (цит. по: [там же, с. 116]).

Некоторые ученые акцентируют внимание на предупредительном и статичном характере охраны в сравнении с защитой. Н.И. Матузов

считал, что «охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются. Защита есть момент охраны, одна из ее форм» (цит. по: [23, с. 115]).

Следуя представленной логике семантического толкования понятий «защита» и «охрана», а также сложившимся в праве подходам, можно сделать вывод, что в окружающей действительности объекты могут выступать как объектами охраны, так и объектами защиты одновременно. Однако объектами защиты охраняемые объекты становятся в связи с причинением или возникновением реальной угрозы причинения им вреда.

Представленные подходы могут быть экстраполированы в отношении понятий «объект криминологической охраны» и «объект криминологической защиты». Соответственно, рабочая научная гипотеза позволяет предположить, что криминологической охране объекты подлежат непрерывно в силу их особой ценности. Статус объекта криминологической защиты такие объекты приобретают в связи с причинением или возникновением реальной угрозы причинения им вреда. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что понятия «объект криминологической охраны» и «объект криминологической защиты» не тождественны, но взаимосвязаны и взаимообусловлены. Выявленное соотношение вполне применимо к понятиям «объект антикоррупционной криминологической охраны» и «объект антикоррупционной криминологической защиты».

Обеспечение антикоррупционной криминологической охраны и осуществление антикоррупционной криминологической защиты — это еще одно значимое направление криминологического познания, требующее категоризации объектов и определения оснований, характера и степеней антикоррупционной охраны и (или) защиты. В зависимости от ценности объекта и его коррупционной уязвимости для некоторых объектов может быть признано достаточным предоставление мер антикоррупционной охраны, а особо ценные объекты должны быть обеспечены мерами защиты и охраны одновременно.

Особый научный интерес представляет исследование содержания категории «объект антикоррупционной криминологической охраны», познание которой неразрывно связано с познанием объектов криминологической охраны в целом. В свою очередь, познание объек-

тов криминологической охраны невозможно в отрыве от такой уголовно-правовой категории, как «объект уголовно-правовой охраны».

В науках уголовно-правового цикла сложились разные подходы к пониманию категории «объект уголовно-правовой охраны». Анализ научной литературы позволил выявить два основных. Представители первого подхода (узкого) полагают, что категория «объект уголовно-правовой охраны» идентична категории «объект преступления» (Б.С. Никифоров, Е.А. Фролов, В.Д. Филимонов, В.В. Мальцев и др.).

Представители второго подхода (широкого) считают, что понятия «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» не тождественны. Л.Д. Гаухман полагал, что «первое дает лишь общее представление о круге общественных отношений, защищаемых уголовным законом, т.е. имеет общесоциальное значение. Именно в таком смысле общественные отношения указаны в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Второе понятие имеет уголовно-правовое значение, так как характеризует элемент состава преступления» (цит. по: [24, с. 51]). О.К. Зателепин приходит к выводу, что «объект уголовно-правовой охраны возникает с момента принятия соответствующей уголовно-правовой нормы, он существует при отсутствии деяний, на него посягающих. Объект же преступления появляется с момента совершения деяния; это уже всегда «деформированное» в результате посягательства «охраняемое» явление» [25, с. 16]. Я.М. Брагинин указывал на то, что «объект посягательства не всегда совпадает с объектом уголовно-правовой охраны (например, при ошибке в личности, добровольном отказе, когда фактически совершенное деяние содержит состав иного преступления)» (цит. по: [24, с. 50]). В свою очередь, по мнению Ю.А. Демидова, объект уголовно-правовой охраны шире, чем объект преступления, поскольку уголовное право охраняет общественные отношения не только от действий виновных, но и невменяемых, когда есть объект уголовно-правовой охраны, но нет объекта преступления (цит. по: [там же, с. 50–51]).

По результатам сравнительного анализа понятий «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» представители второго подхода приходят к выводу о том, что они «различны по смысловой нагрузке, значению, объему и временной характеристике» [26, с. 83].

С одной стороны, обозначенная разность подходов к пониманию объекта уголовно-пра-

вой охраны имеет определенную обусловленность высоким уровнем самодостаточности предмета уголовно-правовых исследований, где ключевое значение имеет надлежащее определение уголовно-правовых запретов и соразмерного наказания за их нарушение. Поэтому отождествление рассматриваемых категорий в целом удовлетворяет узкоотраслевые потребности уголовного права и на определенном этапе его развития является вполне закономерным.

С другой стороны, актуализация в последние годы вопросов обеспечения национальной безопасности неизбежно требует комплексного межотраслевого решения проблемы определения соответствующих объектов. В связи с этим важной методологической задачей, возникающей перед уголовным правом и другими отраслями права, становится унификация и систематизация понятийно-категориального аппарата в сложившемся многообразии общетеоретических подходов и отраслевых традиций. Формирование данной тенденции в уголовном праве подтверждает предложение Р.В. Закомолдина и В.К. Дуюнова, в соответствии с которым именно национальную безопасность «следует рассматривать в качестве общего объекта уголовно-правовой охраны» [27, с. 28].

Заслуживающей внимания представляется позиция А.Э. Жалинского, который полагал, что «перечень социальных ценностей — объектов уголовно-правовой охраны — определяет направленность уголовного закона на внешние для него социальные явления и процессы и при их конкретизации ограничивает сферу использования уголовно-правовых средств, определяя место уголовного права в целостной правовой системе» [28, с. 211].

Определение объектов уголовно-правовой охраны через системообразующие социальные ценности, названные в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса РФ, позволяет заложить основу для междисциплинарного взаимодействия. Как следует из положений ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ, уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Задачами законодательства об административных правонарушениях, как это следует из ст. 1.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях, являются «защита личности, охрана прав и сво-

бод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений». Соответственно, в отраслевом законодательстве перечисление объектов, подлежащих охране, осуществляется через указание на значимые ценности и блага.

В методологическом аспекте важно подчеркнуть, что ценности и блага как явления не существуют в отрыве от своих свойств или отношений, складывающихся в процессе их функционирования в окружающей действительности. Соответственно, их познание в отрыве друг от друга может привести к существенным искажениям в отображении научно значимой информации об объекте исследования. Данный вывод вполне применим и к ставшей уже вековой дискуссии о содержании объекта преступления, под которым в теории уголовного права понимают правовые нормы (Н.С. Таганцев), общественные отношения (А.Н. Трайнин, Б.С. Никифоров, В.К. Глистин, Н.И. Коржанский, В.В. Мальцев и др.), совокупность благ (интересов) (А.В. Наумов), а также отдельных лиц или их множество (Г.П. Новоселов).

Отождествление категорий «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления» ограничивает познавательные возможности и представляется методологически неверным, поскольку объект преступления как научная категория имеет прикладной характер и неразрывно связан с иными элементами состава преступления. В свою очередь, объект уголовно-правовой охраны как правовое явление имеет более сложную природу, а также внутренние и внешние функциональные связи.

Компромиссной на данном этапе развития уголовно-правовой науки представляется позиция В.Н. Винокурова, который приходит к выводу о том, что «человек в системе общественных отношений выступает объектом уголовно-правовой охраны, а его отдельные интересы, наказание за посягательство на которые предусмотрено в различных статьях Особенной части УК РФ, характеризуют объект как элемент состава

преступления» [24, с. 57]. По мнению автора, «объектом уголовно-правовой охраны следует признавать не общественные отношения и не человека, а человека в системе общественных отношений, функционирование которых обеспечивает его развитие» [там же, с. 267].

Понимание объекта уголовно-правовой охраны в контексте второго (широкого) подхода близко по своему содержанию к понятию «объект криминологической охраны». Однако названные понятия не тождественны, поскольку объект криминологической охраны должен охватывать вопросы детерминации преступного поведения, а также уязвимости объекта посягательства, способствовавшие совершению преступления.

В криминологии научное познание объекта криминологической охраны практически не осуществлялось, поскольку традиционно предмет криминологии рассматривается в аспекте закономерностей, связанных с источником опасности — преступностью. Криминологической характеристике обстоятельно подвергнуты объекты предупреждения преступности (Л.М. Прокументов и А.В. Шеслер), объекты предупредительной деятельности (Ю.М. Антонян), объекты предупредительного воздействия (А.И. Долгова), объекты антикриминального воздействия (С.М. Иншаков). Следует отметить, что некоторые ученые включают в предмет криминологии также и аспекты виктимологии (М.П. Клейменов, В.В. Лунеев, Д.А. Шестаков, В.Е. Эминов), но при этом объекты охраны не характеризуют. Вместе с тем среди криминологов уже имели место прогностические упоминания об объектах криминологической защиты [29, с. 21–22].

Идеи криминологической безопасности, отмечают основоположники данной концепции, позволяют изменить акценты с «наступательной» стратегии предупреждения преступности, где основным объектом выступает преступность, на «оборонительную», главным предназначением которой является защита личности, общества и государства [10, с. 14]. И в этом заключается основное преимущество данной концепции.

Представленная идея позволяет системно взглянуть на сложившиеся проблемы предупреждения преступности. При этом важно учитывать, что «преступник» и «потерпевший» выступают парными взаимозависимыми категориями. В свою очередь, содержание преступления объединяет в себе не только совершение преступного деяния, но и причинение

вреда объектам уголовно-правовой охраны. В связи с этим концентрация исследовательских усилий на познании механизмов детерминации преступного поведения, без параллельного не менее тщательного изучения свойств и уязвимостей объектов охраны, обуславливает неполноту криминологически значимой информации, столь важной для построения полноценной системы сдерживания преступности.

Концепция криминологической безопасности позволяет органично объединить познание преступности и познание объектов криминологической безопасности не только как самостоятельные, но и как взаимосвязанные научные направления криминологических исследований. При этом важное значение имеет познание особенностей объектов криминологической безопасности, а также их отраслевых проявлений. Указанные достоинства в полной мере свойственны также и отраслевому направлению — концепции антикоррупционной криминологической безопасности.

Объект антикоррупционной криминологической безопасности как научная категория концепции антикоррупционной криминологической безопасности представляет собой пока не познанный идеальный объект, который имеет сложную природу и еще подлежит содержательному наполнению и оформлению в определение. Однако проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов, которые могут быть использованы для дальнейшего изучения рассматриваемой научной категории во взаимосвязи с иными категориями концепции антикоррупционной криминологической безопасности.

Во-первых, антикоррупционная криминологическая безопасность представляет собой перспективное научное направление, органично объединяющее в себе взаимосвязанное познание коррупционной преступности и объектов антикоррупционной криминологической безопасности.

Во-вторых, значимым препятствием в познании объекта антикоррупционной криминологической безопасности как научной категории выступает отсутствие фундаментальных исследований категории вышестоящей системы понятийно-категориального аппарата («объект криминологической безопасности»).

В-третьих, категория «объект антикоррупционной криминологической безопасности» объединяет в своем содержании две взаимообусловленные категории — «объект ан-

тикоррупционной криминологической охраны» и «объект антикоррупционной криминологической защиты». Научная гипотеза заключается в том, что антикоррупционной криминологической охране объекты подлежат непрерывно в силу их особой ценности. В свою очередь, статус объекта антикоррупционной криминологической защиты такие объекты приобретают в связи с причинением или возникновением реальной угрозы причинения им вреда.

В-четвертых, в контексте обеспечения национальной безопасности, а также развития концепции криминологической безопасности научным потенциалом обладает углубленное

познание взаимосвязей категорий «объект уголовно-правовой охраны» и «объект криминологической охраны» с последующей проекцией на объекты антикоррупционной криминологической охраны.

В-пятых, объект антикоррупционной криминологической безопасности выступает структурным элементом концепции антикоррупционной криминологической безопасности и представляет особую теоретико-методологическую значимость для разработки комплекса мер антикоррупционной криминологической охраны и защиты в системе обеспечения антикоррупционной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иншаков С.М. Методологические основы теории национальной безопасности / С.М. Иншаков. — Москва : Ruscience, 2022. — 278 с.
2. Кардашова И.Б. Основы теории национальной безопасности : учебник / И.Б. Кардашова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2021. — 303 с.
3. Alghamdi M.I. A strategic vision to reduce cybercrime to enhance cyber security / M.I. Alghamdi. — DOI 10.14704/WEB/V17I2/WEB17031 // Webology. — 2020. — Vol. 17, № 2. — P. 289–295.
4. Koilybayev M. On the Specifics of Studying Organized Crime at the Present Stage / M. Koilybayev, Z. Dilbarkhanova. — DOI 10.14505/jarle.v11.3(49).24 // Journal Of Advanced Research In Law And Economics. — 2020. — Vol. 11, № 3. — P. 897–904.
5. Lohse M. Sharing national security information in Finland / M. Lohse. — DOI 10.1080/13600834.2020.1759277 // Information and Communications Technology Law. — 2020. — Vol. 29, № 3. — P. 279–290.
6. Huang Y. The risk assessment of crime prevention system based on risk entropy model / Y. Huang, Y. Zheng, X. Yang. — DOI 10.1109/WICOM.2010.5601335 // Proceedings of the 6th International Conference on Wireless Communications, Networking and Mobile Computing (WiCOM 2010). — Chengdu, 2010. — P. 4189–4192.
7. Santos-Reyes J.R. Towards a systemic approach to public safety / J.R. Santos-Reyes, D.E. Santos-Reyes, L.M. Hernandez-Simon. — DOI 10.2495/SAFE070441 // WIT Transactions on the Built Environment. — 2007. — № 94. — P. 441–450.
8. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии : учебник. В 2 т. Т. 1 / В.В. Лунеев. — Москва : Юрайт, 2012. — 1003 с.
9. Бабаев М.М. Уголовная политика и криминологическая безопасность / М.М. Бабаев. — EDN KAULDZ // Научный портал МВД России. — 2008. — № 3. — С. 53–58.
10. Лебедев С.Я. Криминологическая безопасность личности, общества, государства / С.Я. Лебедев. — EDN YVEEGT // Правовая наука на рубеже XXI столетия: 1920–2000 : сб. науч. тр. — Омск, 2000. — С. 13–22.
11. Бабаев М.М. Теоретические и прикладные проблемы обеспечения криминологической безопасности / М.М. Бабаев, В.А. Плешаков // Избранные труды по криминологии / сост. Ю.Е. Пудовочкин. — Москва : Юрлитинформ, 2022. — С. 308–324.
12. Клейменов М.П. Прогнозирование криминологической безопасности / М.П. Клейменов // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон : сб. науч. тр. / под ред. А.И. Долговой. — Москва, 2001. — С. 41–45.
13. Антикоррупционные меры безопасности / под ред. Н.В. Щедрина, И.А. Дамм. — Москва : Проспект, 2020. — 496 с.
14. Дамм И.А. Предпосылки формирования теории антикоррупционной безопасности Российской Федерации / И.А. Дамм. — DOI 10.17516/1997-1370-0850. — EDN СВYKHS // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 14, № 11. — С. 1690–1709.
15. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. — Москва : Сов. энцикл., 1983. — 840 с.
16. Карицкий И.Н. Понятие субъекта и объекта в философии и психологии / И.Н. Карицкий. — EDN QAATZJ // Методология и история психологии. — 2010. — № 1. — С. 69–101.
17. Левин Г.Д. Философские категории в современном дискурсе / Г.Д. Левин. — Москва : Логос, 2007. — 224 с. — EDN RAZRAZ.
18. Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий / В.Н. Сагатовский. — Томск : ТГУ, 1973. — 431 с.
19. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. — Москва : Азбуковник, 1999. — 944 с.
20. Возжеников А.В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России (теория и политика обеспечения) : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / А.В. Возжеников. — Москва, 2002. — 391 с. — EDN QDSHUP.
21. Мартиросян Т.А. К вопросу о содержании понятия «безопасность» / Т.А. Мартиросян. — EDN RDOYGP // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. — 2013. — № 2. — С. 359–362.
22. Плешаков В.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.А. Плешаков. — Москва, 1998. — 323 с. — EDN NLNNWR.
23. Галузин А.Ф. Правовая безопасность и ее принципы / А.Ф. Галузин. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2008. — 361 с. — EDN QRCBAN.

24. Винокуров В.Н. Объект преступления: доктринально-прикладное исследование / В.Н. Винокуров. — Москва : Проспект, 2019. — 328 с. — EDN VLNIHQ.
25. Зателепин О.К. Соотношение понятий объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления в российской науке уголовного права / О.К. Зателепин. — EDN WTXBPV // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2017. — № 6. — С. 14–17.
26. Винокуров В.Н. Выделение аспектов понимания объекта преступления как способ устранения противоречий при его определении / В.Н. Винокуров. — DOI 10.12737/art_2018_4_9. — EDN YUVUJE // Журнал российского права. — 2018. — № 4. — С. 83–95.
27. Закомолдин Р.В. О необходимости закрепления категорий «национальная безопасность» и «военная безопасность» в уголовном законе / Р.В. Закомолдин, В.К. Дуюнов. — EDN UIJCLP // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. — 2020. — № 3. — С. 26–31.
28. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Проспект, 2009. — 400 с.
29. Долгова А.И. Закономерности преступности, организованная преступность и криминология / А.И. Долгова // Преступность, криминология, криминологическая защита : сб. науч. тр. — Москва, 2007. — С. 7–22.

REFERENCES

1. Inshakov S.M. *The Methodological Basis of the Theory of National Security*. Moscow, Ruscience Publ., 2022. 278 p.
2. Kardashova I. B. *Fundamentals of the Theory of National Security*. 2nd ed. Moscow, Yurait Publ., 2021. 303 p.
3. Alghamdi M.I. A Strategic Vision to Reduce Cybercrime to Enhance Cyber Security. *Webology*, 2020, vol. 17, no. 2, pp. 289–295. DOI: 10.14704/WEB/V17I2/WEB17031.
4. Koilybayev M., Dilbarkhanova Z. On the Specifics of Studying Organized Crime at the Present Stage. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 897–904. DOI: 10.14505/jarle.v11.3(49).24.
5. Lohse M. Sharing National Security Information in Finland. *Information and Communications Technology Law*, 2020, vol. 29, no. 3, pp. 279–290. DOI: 10.1080/13600834.2020.1759277.
6. Huang Y., Zheng Y., Yang X. The Risk Assessment of Crime Prevention System Based on Risk Entropy Model. *Proceedings of the 6th International Conference on Wireless Communications, Networking and Mobile Computing (WiCOM 2010)*. Chengdu, 2010, pp. 4189–4192. DOI: 10.1109/WICOM.2010.5601335.
7. Santos-Reyes J.R., Santos-Reyes D.E., Hernandez-Simon L.M. Towards a Systemic Approach to Public Safety. *WIT Transactions on the Built Environment*, 2007, no. 94, pp. 441–450. DOI: 10.2495/SAFE070441.
8. Luneev V.V. *A Course in the World and Russian Criminology*. Moscow, Yurait Publ., 2012. Vol. 1. 1003 p.
9. Babaev M.M. Criminal Policy and Criminological Security. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Russian Ministry of the Interior*, 2008, no. 3, pp. 53–58. (In Russian). EDN: KAULDZ.
10. Lebedev S.Ya. Criminological Security of the Individual, Society, State. *Law Science of the XXI Century: 1920–2000. Collected papers*. Omsk, 2000, pp. 13–22. (In Russian). EDN: YVEEGT.
11. Babaev M.M., Pleshakov V.A. Theoretical and practical problems of ensuring criminological security. In Pudovochkin Yu.E. (ed.). *Selected Works on Criminology*. Moscow, YurLitinform Publ., 2022, pp. 308–324. (In Russian).
12. Kleymenov M.P. Forecasting of Criminological Security. In Dolgova A.I. (ed.). *Laws of Criminality, Strategy of Struggle and the Law*. Moscow, 2001, pp. 41–45. (In Russian).
13. Shchedrin N.V., Damm I.A. (eds.). *Anti-corruption Security Measures*. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 496 p.
14. Damm I.A. Prerequisites for the Formation of the Anti-corruption Security Theory in the Russian Federation. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities Sciences*, 2021, vol. 14, no. 11, pp. 1690–1709. (In Russian). EDN: CBYKHS. DOI: 10.17516/1997-1370-0850.
15. Ilchev L.F. et al. (eds.). *Philosophic Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1983. 836 p.
16. Karitsky I.N. Notions of Subject and Object in Philosophy and Psychology. *Metodologiya i istoriya psikhologii = Methodology and History of Psychology*, 2010, no. 1, pp. 69–101. (In Russian). EDN: QAATZJ.
17. Levin G.D. *Philosophical Categories in the Modern Discourse*. Moscow, Logos Publ., 2007. 224 p. EDN: RAZRAZ.
18. Sagatovskii V.N. *Basics of Systematizing Universal Categories*. Tomsk State University Publ., 1973. 431 p.
19. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (eds.). *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.
20. Vozzhenikov A.V. *National security in the context of modern political process of Russia (theory and policy of provision)*. Doct. Diss. Moscow, 2002. 391 p. EDN: QDSHUP.
21. Martirosyan T.A. To the question of the contents of «security» concept. *Strategiya grazhdanskoi zashchity: problemy i issledovaniya = The Strategy of Civil Defense: Problems and Research*, 2013, no. 2, pp. 359–362. (In Russian). EDN: RDOYGP.
22. Pleshakov V.A. *Criminological security and its provision in the sphere of mutual influence of organized crime and juvenile crime*. Doct. Diss. Moscow, 1998. 323 p. EDN: NLNNWR.
23. Galuzin A.F. *Legal Security and its Principles*. Saint Petersburg, Juridicheskii Tsentr Press Publ., 2008. 361 p. EDN: QRCBAN.
24. Vinokurov V.N. *The Object of Crime: Doctrinal-practical Study*. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 328 p. EDN: VLNIHQ.
25. Zatelepin O.K. Correlation of the Concepts of the Object of Criminal Law Protection and the Object of Crime in the Russian Criminal Law Science. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the RF Prosecutor General's Office*, 2017, no. 6, pp. 14–17. (In Russian). EDN: WTXBPV.
26. Vinokurov V.N. Identifying Aspects of Understanding the Object of Crime as a Way of Eliminating Contradictions in its Definition. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2018, no. 4, pp. 83–95. (In Russian). EDN: YUVUJE. DOI: 10.12737/art_2018_4_9.

27. Zakomoldin R.V., Duyunov V.K. On the Necessity to Fix the Categories of National Security and Military Security in the Criminal Law. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya: Yuridicheskie nauki = Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2020, no. 3, pp. 26–31. (In Russian). EDN: UIJCLP.

28. Zhalinskii A.E. *Criminal Law in Anticipation of Changes: Theoretical-instrumental Analysis*. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 400 p.

29. Dolgova A.I. Crime Tendencies, Organized Crime and Criminology. *Crime, Criminology, Criminological Protection*. Moscow, 2007, pp. 7–22. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дамм Ирина Александровна — руководитель департамента по профилактике коррупционных правонарушений, заведующий кафедрой деликтологии и криминологии Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Красноярск, Российская Федерация; e-mail: idamm@sfu-kras.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дамм И.А. Объект антикоррупционной криминологической безопасности: основные направления исследования / И.А. Дамм. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(5).555-565. — EDN ABQPJZ // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 5. — С. 555–565.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Damm, Irina A. — Head, Center for Corruption Prevention, Head, Chair of Delictology and Criminology, Law Institute, Siberian Federal University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Krasnoyarsk, the Russian Federation; e-mail: idamm@sfu-kras.ru.

FOR CITATION

Damm I.A. The Object of Anticorruption Criminological Security: Key Research Directions. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 5, pp. 555–565. (In Russian). EDN ABQPJZ. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(5).555-565.